ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, ПЕРСОНАЛИИ, ПИСЬМА

О. Б. Божков, Т. З. Протасенко

«МОЯ ЖИЛИЩНАЯ ИСТОРИЯ»: КОММЕНТАРИЙ ИЗДАТЕЛЕЙ

Идея этого проекта[4] возникла года три назад под названием «Коммунальные квартиры». Однако только в 2016 г. мы нашли надежных партнеров — журнал «Город 812» — и объявили конкурс автобиографий «Моя коммунальная квартира». Правда, довольно быстро поняли, что стоит расширить тематику конкурса и говорить в целом о жилищной истории людей. Все, кому бы мы ни рассказывали об этом проекте, нас поддерживали и обещали всяческую помощь. Это были и журналисты, и писатели, и депутаты Законодательного собрания, и чиновники правительства Санкт-Петербурга. Тем не менее, материалы на конкурс поступали «в час по чайной ложке», и мы были вынуждены неоднократно продлевать его сроки. Более того, было принято решение не полагаться на «самотек» и дополнить проект биографическими интервью. К этой части проекта были подключены студенты-практиканты, в нее также активно включилась Светлана Игнатова. К сожалению, из-за своей преждевременной кончины она успела сделать немного. В объявлении о конкурсе было сказано, в частности, следующее: «Жилищная история многих ленинградцев-петербуржцев складывается из целого ряда этапов (или шагов): общежитие или съемное жилье (комната или угол); коммунальная квартира; отдельная квартира (государственная или кооперативная); наконец, приватизация, то есть преобразование “казенного” жилья в собственность. Нас как организаторов конкурса и как исследователей интересуют любые воспоминания. Мы поймем и тех, кто ностальгирует по своей дружной коммуналке, и тех, кто не нарадуется,

[4] Моя жилищная история. Автобиографические очерки и биографические интервью / Под ред. О. Б. Божкова, Т. З. Протасенко. СПб.: Норма, 2018. 424 с.: ил.

что все же вырвался из нее. Поймем также и тех, кто и сейчас вовсе не рвется в отдельную квартиру, и тех, кто ждет не дождется, когда же наконец-то можно будет вздохнуть спокойно без этих соседей по кухне. С точки зрения истории с помощью ваших воспоминаний мы хотели бы восстановить действительную картину советской жилищной политики. С точки зрения социологии наша задача состоит в том, чтобы понять, как эта форма организации жизни влияла (и влияет) на характер личности и на психологическую атмосферу в обществе...».

С самого начала предполагалось издание материалов этого конкурса. Наконец собрался не очень большой, но достаточно представительный корпус разнообразных текстов. Внимательно прочитав поступившие материалы, мы поняли, что их публикацию необходимо предварить своеобразной исторической справкой о том, через какие этапы прошло развитие жилищной политики в стране. Хотя в этих материалах на первый взгляд отражены разнообразные ситуации и стратегии решения жилищной проблемы на индивидуальном уровне, стало ясно, что картина все равно не полна. А это потребовало активизировать собственный жизненный опыт, обратиться к материалам прессы разных лет, чтобы оценить перспективы развития этой темы. В теперь уже далеком 1990 г. поэт Давид Самойлов писал: «Никто еще не написал историю коммунальных квартир, их трагического влияния на психику и психологию, их социальных контекстов. Коммунальная квартира двадцатых годов была необычным полем для страстей, часто низменных, ареной трагедии, почвой для развращения и преступления. Каждое время порождает свои формы быта. И не только время — каждая социальная среда. Эпоха разлома, нестроения и перемешивания породила свою неповторимую форму быта — коммунальную квартиру. В ту пору, когда все ломалось и еще не начало строиться, естественно, приходилось пользоваться подручным материалом, уцелевшим от прежнего времени. Насилие, которое было главным методом революции, сказалось и здесь в насильственном создании коллектива. Лишь на следующем этапе, после нэпа, она начала образовываться в среду. И если первый период истории коммунальных квартир можно назвать стихийным, то второй я назвал бы демократическим. Бедность и аскетизм начала тридцатых годов отразились в психологии целого поколения, к которому принадлежу и я. В нем есть понятие о неминуемости совместной жизни, о взаимопомощи, о сложности и разнообразии семейного устройства, о независимости от вещей, столь редких в то время, о приспособляемости и контактности, много помогавших нам

на войне. Дети коммунальных квартир — одно из названий нашего поколения»[1].

В определенном смысле мы попытались восполнить этот пробел и написать-таки историю коммунальных квартир и — шире — историю решения жилищной проблемы в СССР и в постсоветской России. Хотя, на первый взгляд, в этих материалах отражены разнообразные ситуации и стратегии решения жилищной проблемы на индивидуальном уровне, стало ясно, что картина все равно не полна. А это потребовало активизировать собственный жизненный опыт, обратиться к материалам прессы разных лет, чтобы оценить перспективы развития этой темы. Надеемся, что жгучая актуальность темы вызовет к ней дополнительный интерес, и она получит продолжение в ближайшей перспективе[2].

О структуре книги

Тексты, вошедшие в сборник, мы разделили на три раздела, выделив группы авторов по возрасту. Следует признать, что выбранные названия не всех разделов удачны. Первая группа, конечно, это не «ветераны» — это люди, родившиеся в период с конца 1920-х — начала 1930-х гг. до середины сороковых. Название второй группы более адекватно: это люди, родившиеся в первые 20 лет после Великой Отечественной войны, и наконец, в третий раздел вошли тексты авторов, родившихся после 1963 г. Тем не менее, такое структурирование текстов позволило зафиксировать существенные различия в восприятии и описаниях своей жилищной истории представителями разных поколений.

Осознавая значимость и актуальность тематики этой книги, мы решили провести ее по всем правилам через Ученый совет Социологического института. И здесь мы столкнулись с критическим отношением. Были представлены четыре положительных отзыва внешних рецензентов и одно амбивалентное от доктора социологических наук, сотрудника социологического факультета СПбГУ. Претензии членов ученого совета сводились к тому, что среди рецензентов не было социологов, а также к тому, что это не научное издание. При этом была принята во внимание именно амбивалентная рецензия, в которой

[1] *Самойлов Д.* Памятные записки // Знамя. 1990. № 9. С. 155–156.

[2] Моя жилищная история. С. 5–7.

автор ставил в упрек именно отсутствие ссылок на многочисленные теоретические разработки конца позапрошлого — начала прошлого века. В принципе, этот автор настаивал на устаревших, с нашей точки зрения, представлениях о научных текстах.

Каноническое представление о научности научных текстов... состоит в том, что научный текст обязан включать:

— постановку научной проблемы;

— обзор научной литературы, описывающий состояние научной проблемы в мире;

— выбор научной концепции, в рамках которой проводится исследование;

— описание метода исследования;

— представление результатов исследования и их обсуждение.

Смеем заметить, что в данном случае ни один из этих критериев не имеет отношения к делу. Наша книга — это не исследование, скорее — это *постановка вопроса и приглашение к исследованию*. Это, прежде всего, материал для внимательного анализа и исследования. Раздел «К истории жилищного вопроса», включающий нашу вступительную статью «А мы простились с хижиной и едем во дворец», ре-публикацию отчета о массовом опросе жителей города об их отношении к программе «Ленинград. Жилище-2000»[3], а также текст А. Н. Алексеева «Моя жилищная история. Опыт тематически фокусированного автобиографического повествования», как раз и выполняет функцию обзора научной и социальной проблемы, которой эта книга посвящена. Кстати, текст А. Н. Алексеева представляет здесь методологический взгляд на существо этой проблемы и на специфику подхода к ее рассмотрению.

Подозрение рецензента о незнании авторами издания мировых урбанистических концепций неосновательно. Дело в том, что эти концепции двухвековой давности давно не отвечают современному состоянию проблемы в мире и, тем более, в России. Хотя мы отнюдь не сторонники «особого пути России», в данном случае Россия, действительно шла и продолжает идти исключительно особым путем. Поэтому апелляция к старым концепциям здесь совершенно неуместна.

Так или иначе, мы прошли «бурный порог» Ученого совета — книга вышла под грифом СИ РАН — филиала ФНИСЦ РАН.

[3] Отчет об этом опросе был напечатан в июле 1988 г. в двух газетах — «Ленинградской правде» и «Вечернем Ленинграде», опубликовавших анкету.

И началась её самостоятельная жизнь.

Прежде всего, мы обязаны были отчитаться перед теми, кто стал авторами этой книги. Мы провели две презентации: первую, когда вышло в свет электронное издание в формате pdf, а вторую — по выходе в свет бумажного варианта, на которую были приглашены почти все авторы. Второй презентации был посвящен новостной выпуск петербургского телевидения, а также ряд передач петербургского радио и публикаций в журнале «Город 812», нашем партнере в этом конкурсе. Отзывы о книге опубликованы также в журнале «Телескоп».

Стоит сказать и о том, что тираж книги (500 экз.) разошелся в мгновение ока, и мы решаем непростой вопрос, стоит ли допечатать тираж или подготовить второй (новый) выпуск этого издания, тем более, что материал на новый выпуск накапливается очень интенсивно, в том числе, благодаря публикациям в прессе. К тому же авторы книги добровольно стали нашими пропагандистами и также способствуют поступлению новых текстов на эту тему[4].

Мы думаем о продолжении этого конкурса с прицелом на «неохваченные» случаи жилищных историй, имея в виду движение от общежитий к коммунальным, а затем и отдельным квартирам; а также современные ситуации, связанные с расселением коммунальных квартир, а также ветхого и аварийного жилья, и с приобретением жилья с помощью ипотеки.

[4] Почти одновременно с «Моей жилищной историей» вышла в свет еще одна книга, подготовленная нами: (Авто)биография как объект социологического анализа. Материалы X чтений памяти В. Б. Голофаста, 3–5 апреля 2018 г. / Под ред. О. Б. Божкова. СПб.: Норма, 2018. 256 с.